

позволяет мне связать имя Приама со топонимом Троя. Гипотеза? Да, конечно. А теперь проверим ее. Сравним оснащенность постоянными эпитетами. У Александра – 47%, у названия Илион – 47%; у Приама – 32%, у Трои – 32% (табл. 9 на с. 466). *Quod erat demonstrandum*. Верен ли подсчет? Проверьте. А теперь посмотрите, что и сколько написали по этому поводу мои критики (с. 183–184 рец.).

У меня есть основания не унывать. Мои «Археологические источники», появившись в 1978 г., получили тогда тоже очень неоднозначный прием: и хвалу и гневные отповеди, а сейчас они переизданы в серии «Классика археологии» (1995 г.). Моя «Археологическая типология» (1982, 1991 гг.) при выходе первого издания была встречена разгромной рецензией, а теперь доктор математических наук, занимающийся археологией (и между прочим сетующий на привычку археологов свободно обращаться с термином «корреляция»), называет ее «великой книгой»⁸. Не претендую на ранг классика гомероведения (хотя оценка покойного И.М. Дьяконова до странности близка к этому), но уверен, что в моей «Анатомии Илиады» есть немало разработок, которые еще найдут у гомероведов-филологов признание и продолжение.

Мои занятия гомероведением вылились в три взаимосвязанных труда: «Анатомия Илиады», «Бесплотные герои» и «Каталог кораблей». Их нужно воспринимать как единую систему, одну концепцию. К сожалению, последний из этих томов остался неоконченным, и я вряд ли успею его закончить. Поэтому я опубликовал большую статью, в которой изложил основные выводы этого неоконченного тома и основные аргументы⁹ (кстати, я использовал там и одно ценное наблюдение из ранних работ В.Л. Цымбурского). Думаю, что это можно считать завершением моих гомероведческих штудий.

Л.С. Клейн

© 2004 г.

ОБРАЗНЫЕ ИСТОКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(По поводу книги: А.В. ПОДОСИНОВ. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. 488 с.)

География в позднюю античную эпоху представляла собой своеобразный когнитивный конгломерат, состоявший из фрагментов мифографии, научных изысканий греческих географов, популярных описаний древнеримских ученых и философов, библейской географии. Для современного ученого ситуация осложняется также совершенно иной ролью географической карты в древнем мире: карта не была еще самостоятельным научным продуктом, но скорее популярной иллюстрацией к различным географическим образам мира. Тем не менее изучение сохранившихся текстов и карт, имеющих отношение к региону Восточной Европы, показывает постепенное картографическое становление образов этой территории, многие из которых перекочевали на средневековые карты, а впоследствии оказали влияние в той или иной форме и на современные географические представления.

Римская «хорография» (т.е. описание различных местностей и стран) представляла собой причудливое сочетание, смесь страноведческих и этнографических сведений;

⁸ *Шпак А.Л.* Математическая мизантропия. Объяснительная записка, или предвзятый комментарий неспециалиста // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 209.

⁹ *Клейн Л.С.* Каталог кораблей: Структура и стратиграфия // *Stratum plus*. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса, 2000. № 3. С. 17–51.

какого-либо концептуального взгляда на мир она, конечно, не формировала. Однако описание карты мира Марка Випсания Агриппы, политического деятеля и географа эпохи Октавиана Августа, включает в себя географическое обоснование: карта как таковая формируется очертаниями морей, рек и гор. Авторы географических текстов позднесантичного времени не смущало смешение географической номенклатуры ранней античности и эпохи Великого переселения народов, как, например, в «Космографии» Анонима из Равенны. Кроме того, они вынуждены были картографически идентифицировать и библейскую номенклатуру: скажем, в «Космографии» Юлия Гонория (IV–V вв.) это география четырех библейских рек, вытекающих из рая. Части света в библейской традиции воспринимались прежде всего как наследие трех сыновей Ноя – такая точка зрения вполне естественна уже для Анонима из Равенны. Карта или ее описание в этой когнитивной ситуации выступали как идеологический суррогат школьной риторики, политических и культурных стереотипов и философской и теологической метафизики.

Римская картографическая традиция в отношении Восточной Европы обнаруживает поразительную историческую устойчивость. Практически один картографический образец (по всей видимости, это была карта мира Агриппы конца I в. до н.э.) передавался через посредников, с большими или меньшими искажениями и исправлениями, в течение нескольких веков вплоть до XII – начала XIII в. Собственно картографических изображений, восходящих к эпохе древнего Рима, сохранилось очень мало (карта из Дура-Европос и Певтингерова карта) – при этом сами они имеют квазигеографическую форму, далекую даже от научных теорий греческих географов. Форма итинерариев и периплов наиболее естественна для таких карт, отсюда и невероятные даже по тем временам искажения географических контуров и смещения географических объектов по отношению друг к другу. Путь здесь – это условная прямая линия, поэтому ландшафт и путевые пункты (города) на Певтингеровой карте совершенно не согласованы между собой. Таким же образом стоянки кораблей на Черном море соединены на карте из Дура-Европос прямой линией, не имеющей никакого отношения к действительным очертаниям черноморской береговой линии. Практические нужды и потребности в реальной земной топологии (связи пунктов и расстояния между ними) подавляли необходимость более или менее правдоподобного воспроизведения контуров природных географических объектов.

Структуры картографических описаний мира зависели в первую очередь от классических образцов, но также и от местоположения самого автора описания. Наиболее принятым и часто встречавшимся порядком описания было описание стран с запада, от Гибралтара. Но, например, Аноним из Равенны нарушает этот порядок, ставя Равенну в центр описания и характеризуя страны – от дальних к ближним – по отношению к этому городу. В «Космографии» Псевдо-Этика (V или VI в.) также нарушен классический принцип описания, и Италия рассматривается как центр в описании Европы. Нетрудно, конечно, сделать вывод о влиянии политико-географической ситуации на порядок и структуру картографического описания – значение Италии для Римской империи очевидно. Однако можно усмотреть здесь и появление новой картографической традиции, в рамках которой возможно согласование, координирование различных способов описания мира. Появлению этой традиции способствовало, безусловно, совершенно различное количество и качество географической информации о странах и частях света. С одной стороны, можно было выбирать страны, маркировавшие самые дальние стороны ойкумены (Индия, Британия, Мавритания и Скифия) – как это сделал Равеннат. Этой же маркировке пределов ойкумены на востоке и севере на Певтингеровой карте служили так называемые «алтари Александра Македонского», якобы установленные им в местах наибольшего продвижения его армии. С другой стороны, надписи на краю карт, как правило, фиксировали скудость и недостоверность информации о самых дальних странах и регионах. Наконец, эти различия подчеркивались также проведением границ частей света по природным или этнографическим ориентирам. На той же Певтингеровой карте хорошо известны южные границы Европы описывались по природным объектам, тогда как малоизвестные северные границы (побережье Северного океана) маркировались порядком проживавших там

народов (сведения о которых также были весьма скудны и противоречивы). Иначе говоря, картографическое описание учитывало характер используемой информации, формируя в качестве ответа соответствующие знаково-символические формы отображения и преобразования этой информации. Даже в ситуации подчиненного и иллюстративного значения географической карты в древнеримской картографической традиции с образно-географической точки зрения можно говорить об известной автономности карты как оригинального способа репрезентации и интерпретации окружающего мира.

Ведущий образ Восточной Европы в рамках римской картографической традиции – конечно же, Скифия. Этот образ был унаследован еще из древнегреческой географической традиции. Хотя еще на карте мира Агриппы Скифия была вытеснена Сарматией (что отражало современную ему политико-географическую ситуацию), большинство последующих географических описаний продолжало тиражировать скифские образы. Скифия выступала как собирательный топоним, фиксировавший местоположение различных варварских племен Северного Причерноморья, часто сменявших друг друга. Параллельно с этим процессом происходит расширение образа Скифии: Скифий становится несколько: например, у Равеннаты их как минимум две–три. Происходит экспансия этого образа на северо-восток и восток Европы и далее в Азию. По сути дела, образ Скифии становится глобальным географическим (картографическим) образом, содержательно маркирующим всякие отдаленные, малоизвестные, чаще холодные и пустынные земли к востоку и северу от Средиземноморья, населенные, как правило, дикими кочевыми племенами. В подобной содержательной интерпретации он перекочевал на средневековые карты и карты нового времени, а к концу нового времени, исчезнув с географических карт, образ Скифии стал на долгое время синонимом образа России. Как спутанный, подчиненный этому образу, можно рассматривать образ Рифейских (Рипейских) гор, обязательно присутствовавший в большинстве описаний на северо-востоке Европы; к данному образу было привязано чаще всего название племени гипербореев. В целом образ Скифии, удерживавшийся на географических картах и в описаниях более двух тысяч лет, есть важное свидетельство инерционности образно-географической репрезентации мира; для такой репрезентации всегда, как правило, характерно сочетание, с одной стороны, «долгоживущих» и архаичных образов, а с другой – сиюминутных, оперативных и быстро меняющихся образов.

Развитие картографического описания как образно-географической модели предполагает смешение, контаминацию и дрейф различных образов. Наиболее яркое свидетельство подобных процессов в римской картографической традиции – перемещение города Трапезунта вместе с сопутствующей ему местной топонимикой из Южного в Северное Причерноморье. Наиболее четко этот образный казус прослеживается на карте из Дура-Европос. Объяснение, по А.В. Подосинову, следующее: данный казус восходит к карте мира Агриппы, во время составления которой Боспор (Северное Причерноморье) был политически объединен с Понтом (Южное Причерноморье) в единое государство – как раз при участии самого Агриппы. Такое политическое объединение способствовало картографической контаминации двух разных причерноморских районов, присутствующей и на Певтингеровой карте. Смещение на север претерпели и менее значимые географические объекты – на Певтингеровой карте это, например, Потаmia, оказавшаяся в Восточном Причерноморье. По Страбону, это область в Пафлагонии на границе с Вифинией (Малая Азия). Иначе говоря, реальные политико-географические процессы прямо связаны с развитием последующих картографических дискурсов; верно и обратное – целенаправленный картографический (образно-географический) дискурс может воздействовать на ход и развитие политической обстановки и международных отношений в определенном регионе.

Подведем итоги. Римская картографическая традиция, будучи вполне прагматической и ориентированной более на средиземноморское пространство, в основном транслировала базовые образы Восточной Европы, разработанные еще греческими географами. Эта трансляция сопровождалась размещением новых топонимов и этнонимов, не менявшим кардинально образную структуру региона. Учитывая, что Восточная Европа – скорее «изобретение» XVIII века, можно говорить о Скифии как

приблизительном образном эквиваленте Восточной Европы в данной традиции. Образ Понта, Черного моря с сопровождавшими его топо- и этнонимическими пластами был, по всей видимости, медиативным образом, смягчавшим когнитивный переход от обустроенного мира Средиземноморья к малоизвестному и опасному миру восточных и северных пределов ойкумены. Отсюда и важный методологический вывод: в политическом и культурном отношении имперские структуры нуждаются, как правило, в когнитивном обосновании своей экспансии, требующей, в свою очередь, построения непротиворечивой образной модели мира – мира, география и картография которого предполагают совмещение разновременных и иногда пространственно очень далеких друг от друга образов.

Д.Н. Замятин

© 2004 г.

Money and Its Uses in the Ancient Greek World / Ed. A. Meadows, K. Ship-ton. Oxford: University Press, 2001. 167 p., pls.

Рецензируемая книга представляет собой издание докладов, прочитанных в Оксфордском университете (Corpus Christi College) в ходе двух конференций (16 ноября 1995 г. и 1 марта 1997 г.). Сборник включает «Введение» и девять статей, а также несколько таблиц, карты и указатели. Организаторы конференций и издатели сборника – Э. Мидоуз и К. Шиптон – подчеркивают, что задачей этих конференций было возобновление диалога между специалистами по экономической истории античного общества и нумизматами. Отсутствие такого диалога затрудняет исследования и тех, и других. Причиной подобного не совсем нормального состояния они считают сильное влияние концепций М. Финли о характере античной экономики. В свое время М. Финли с большим одобрением цитировал выдающегося экономиста Дж. Кейнса, который античную, в частности древнегреческую, монету считал явлением не экономическим, а в первую очередь политическим – «элементом местной суетности, патриотизма или пропаганды, не имеющим далеко идущих последствий»¹. Подтверждение справедливости этого взгляда М. Финли видел в том, что наиболее развитые из соседей Эллады, такие, как финикийцы, египтяне, этруски и римляне, очень поздно последовали примеру греков².

С точки зрения организаторов конференций, Дж. Кейнс и М. Финли, резко отрицательно относившиеся ко всяким попыткам «модернизировать» античную экономику, сами в данном случае оказались под сильным влиянием модернизаторских представлений. Национальная монета сегодня – один из наиболее ярких и выразительных символов национального суверенитета. Дж. Кейнс и М. Финли невольно перенесли в античную древность современные концепции.

Э. Мидоуз и К. Шиптон указывают, что за прошедшие десятилетия накоплен значительный новый материал и получены важные результаты при его исследовании. Сейчас снова можно вернуться (уже на новом уровне знаний) к проблеме, поставленной М. Финли и оценить решения, предложенные им. Отметим, что явно (хотя об этом прямо в тексте и не говорится) определенным импульсом именно к такой постановке вопроса является развернувшаяся в последние годы критика концепции М. Финли³. Постановка подобной проблемы для широкого обсуждения, а также привлечение к ней нумизматов и историков (как сторонников концепций М. Финли, так и их противников) кажутся более чем оправданными.

¹ Keynes J.M. Treatise on Money. V. 1. The Pure Theory of Money. L., 1930. P. 12.

² Finley M.J. The Ancient Economy. L., 1973 P. 166.

³ Подробнее об этом см. Маринович Л.П., Кошелев Г.А. Древнегреческая экономика: сто лет дискуссий // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IV. Ч. 1. История. Москва – Магнитогорск, 1997. С. 90–96.